

©2020 В.А. РЫБИН

БИОСОЦИАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА: ОПЫТ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОСТИ



Рыбин Владимир Александрович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии.

Челябинский государственный университет.

Российская Федерация, 454001 Челябинск,

ул. Братьев Кашириных, 129.

Электронная почта: wlad@csu.ru

Аннотация. Рубеж XX–XXI веков связан с беспрецедентной ситуацией в науках о живом. Достижения теоретической и экспериментальной биологии, прогресс биомедицины создали реальную возможность воздействовать не только на организм отдельного человека, но и на наследственность всей человеческой популяции. Все более остро встает вопрос о пределах вмешательства в человеческую природу. В этой ситуации сложившееся понятие биосоциальности, сформулированное по принципу двойной — биологической и социальной — детерминации жизнедеятельности живых организмов, включая человека, становится неэффективным. Требуется раскрыть данное понятие по-новому — как уникальное, специфицирующее исключительно человека и характеризующее присущее только ему сочетание биологических и социальных факторов. Главным препятствием для выработки подобного понятия выступает естественнонаучный редукционизм в форме механистического детерминизма. В результате не учитывается главное свойство всех живых организмов — способность активно противодействовать влиянию окружающей среды, одновременно вступая с ней в отношения

сотрудничества. У животных подобная активность реализуется посредством органов тела и врожденных реакций, у человека — посредством искусственных орудий труда и опыта культуры, охватывающей и подчиняющей себе природу. Поэтому биосоциальность человека обладает тройным составом: его организм с эволюционно сформировавшимися биоморфологическими параметрами, сфера орудий и внешняя природа. До самого последнего времени данная триединая целостность не осознавалась адекватно. Однако возникающие сегодня техногенные угрозы побуждают к выработке нового миропонимания и освоению нового мироотношения. На смену потребительскому отношению к природе должно прийти осознанное и продуктивное манипулирование тремя компонентами биосоциальности человека на фоне целенаправленного поддержания его морфологической неизменности.

Ключевые слова: человек, природа, культура, социум, орудие, биомедицина, организм, среда.

Ссылка для цитирования: Рыбин В.А. Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности // Человек. 2020. Т. 31. № 1. С. 45–60. DOI: 10.31857/S023620070008744-5

Прежде чем переходить к изложению содержания, целесообразно прояснить некоторые аспекты, связанные с самой постановкой проблемы биосоциальности. Чем обусловлена ее актуализация сегодня? Ведь не секрет, что понятие «биосоциальность» до самого последнего времени исправно работало и в естествознании, в частности в эволюционной биологии (где оно служило раскрытию соотношения врожденных и приобретенных, организменных и средовых, биологических и социальных свойств живых организмов — связей между nature and nurture, природой и воспитанием, по выражению Дж. Хаксли [4, с. 190]), и в философии (где в определение человека обязательно включалось и включается указание на его двойную — биологическую и социальную детерминацию), и в обыденном мышлении (для которого взаимодополнительность телесных и поведенческих — биологических и социальных — качеств всегда выступало как не требующая каких-либо доказательств характеристика любого живого существа).

Актуализация проблемы биосоциальности вызвана тем качественным сдвигом на стыке молекулярной биологии, генетики и клинической медицины, который был обусловлен завершением проекта по расшифровке генома человека. На рубеже XX–XXI веков он создал возможность переноса методов геной инженерии в повседневную медицинскую практику. Об этом свидетельствуют названия самых передовых направлений современной биомедицины, сформировавшихся за последнее десятилетие («медицинская

геномика», «персонализированная геномная медицина», «молекулярная медицина», «методика редактирования генов» и др.) как результат оформления в науках о живом адекватного исследовательским и клиническим задачам метода в образе «синтетической биологии». Этот образ «ставит целью применение в биологии инженерных методов и создание на этой основе организмов или биологических систем с новыми или специализированными функциями, направленными на удовлетворение самых разнообразных потребностей» [13, с. 104].

Возникающая при этом возможность воздействовать не только на физический организм и генетику отдельного человека, но и на процесс биологического воспроизводства человеческой популяции в целом, создает невиданную прежде ситуацию, о беспрецедентности которой свидетельствует ее оценка в среде самих ученых, когда вообще-то не склонные к пафосу авторитетные люди науки делают заявления в том духе, что «человек больше не может быть само собой разумеющимся» [22, с. 222] или «мы понимаем, что, возможно, находимся в переломной точке истории человечества» [24, с. 184]. Закономерно, что в этих условиях понимание природы человека нуждается по меньшей мере в таком обновленном истолковании, которое соответствовало бы совершающимся сдвигам в научном и общекультурном контексте

Постановка проблемы

Взглянем на ситуацию с медицинской точки зрения. Вся существовавшая до сих пор медицина нацеливалась на восстановление нарушенных организменных функций, не нуждаясь в каком-либо уточнении сложившегося понятия биосоциальности. Она работала на макроуровне, соответствующем обыденному мировосприятию, где граница между «можно» и «нельзя» по отношению к человеку очерчивалась императивами Клятвы Гиппократова, а затем медицинской этики. При этом сформированное в культуре и используемое в медицине представление о человеке — о его норме и пределах отклонений от нее — успешно препятствовало непосредственному переносу приемов лабораторной работы или манипуляций с телесностью животных на человеческий организм. Любому врачу (как и любому человеку) было ясно, как божий день, что медицина — это не ветеринария, а уродующие детей операции компрачикосов из романа Виктора Гюго «Человек, который смеется» — отнюдь не приемы лечения и не пластическая хирургия. Здесь сложившееся понятие биосоциальности работало эффективно. Но в новейшей биомедицине, переходящей

В.А. Рыбин
Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности

к манипуляциям на микроуровне, использующей нанотехнологии и работающей с генным материалом, где связь между воздействием и результатом является опосредствованной и далеко не очевидной, прежнее понятие биосоциальности становится «неоперациональным» и, более того, оказывается способным вводить в заблуждение, оправдывая соблазн опасного экспериментаторства, о котором говорит Фукуяма: «Мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек» [21, с. 308].

Сам факт осознания угрозы подобного рода свидетельствует о том, что понятие «биосоциальность», бывшее до сих пор в ходу в естествознании, медицине и философии, на самом деле строилось *без учета человеческой специфики*, т.е. де факто базировалось на отождествлении организменности (биологии) человека и прочих живых существ. Именно по этой причине в определение человека помимо указания на биосоциальность и приходилось вводить дополнительные уточняющие характеристики, как это выглядит, например, в статье «Человек» «Философского словаря» под ред. И.Т. Фролова (2001): «Человек — биосоциальное существо (представитель вида *homo sapiens*), генетически связанное с др. формами жизни, выделившееся из них благодаря *способности производить орудия труда, обладающее членораздельной речью, мышлением и сознанием, нравственно-этическими качествами* (курсив мой. — В.Р.)» [20, с. 651]. Это означает, что понятие «био-социальность» в его сформулированном по принципу дополненности этих качеств варианте, утрачивает свою теоретическую значимость и оказывается отныне способным выступать не более чем в роли рабочего определения, «черновика» для выработки более содержательной формулировки.

Отсюда вытекает, что биосоциальность человека надо сформулировать по-новому — не просто как мнимо очевидную и свойственную всякой живой особи рядоположенность биологических и социальных свойств в духе приписываемого Франклину определения, гласящего, что человек это «животное, делающее орудие» [11, с. 191], (которое Маркс цитирует в первом томе «Капитала», иронически указывая в другом фрагменте на историческую ограниченность подобного подхода¹), но как свойственное

¹ «Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по своей своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определение Франклина, что человек есть создатель орудий» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 338. М.: Госполитиздат, 1960.

исключительно человеку сочетание биологических и социальных факторов жизнедеятельности.

Теоретические параметры

Инструментарий какой теоретической дисциплины и какие теоретические координаты следует избрать для этого? Формулировку искомого определения вряд можно доверить самим работающим в конкретной сфере ученым-естественникам, поскольку им свойственно в такой степени погружаться в исследуемую область, что возникает риск разрыва с реальностью, о чем свидетельствует, например, реплика выдающегося биолога П. Медавара, приводимая Агамбенom: «Дискуссии на тему истинного значения слов “живой” или “мертвый”, — пишет Медавар, — показывают, что разговор ведется на очень низком биологическом уровне. Эти слова не имеют никакого реального внутреннего смысла, до которого в конечном счете можно было бы докопаться» [1, с. 18].

Что касается биоэтики, то ее возможности ограничивает присущий ей «плюрализм моральных ценностей» [17, с. 228], в немалой степени обусловленный ориентацией на работу с установками обыденного сознания современного атомизированного индивида, де факто исповедующего «этический солипсизм», когда, по выражению Б.Г. Юдина, «оказывается, что здесь никакого общепринятого масштаба нет, что каждый сам по себе задает для себя этот масштаб» [23, с. 347]. В конечном счете специфика подобных предпосылок обрекает биоэтику либо на апологетическую позицию по отношению к любому нововведению («в любой дискуссии по клонированию человека, исследованию стволовых клеток и генной инженерии именно профессиональный специалист по биоэтике обычно придерживается самых разрешительных взглядов» [21, с. 288]), либо на субъективный и, в конечном счете, бесплодный перебор аргументов «за» или «против» (как это показывают дискуссии, ведущиеся много лет, но не давшие внятных ответов по поводу эвтаназии, абортom, стволовых клеток и пр.).

Рассмотрение поставленной проблемы целесообразно перенести в сферу философии, которая в силу своего универсального положения в системе теоретического знания способна работать со всей полнотой культурного опыта.

Чтобы выработать адекватное современности понятие биосоциальности человека, целесообразно сформулировать крайние, взаимоотрицающие взгляды на проблему, поскольку в своей предельности они очерчивают весь спектр возможных вариантов ответа.

В.А. Рыбин
Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности

В связке «био-социальность» сторонники «био» — назовем их *биоцентристы* — в качестве основы человеческого типа жизни выдвигают некое врожденное, общее животным и людям, сконцентрированное в организме отдельной особи на генном уровне *внутреннее* природное начало, тогда как внешние средовые условия рассматриваются лишь в качестве вторичных, фоновых факторов. Это то самое сугубо «молекулярное видение жизни», которое отстаивают П. Рабиноу и Н. Роуз [14, с. 120] и которое фактически представляет собой одну из версий генетического редукционизма. Ограниченность подобной позиции в свое время едко критиковал Фейербах в работе «Против дуализма тела и души, плоти и духа» прямо заявляя, что ее сторонники по всем параметрам, начиная с органов чувств, уподобляют человека животному и в этом смысле исповедуют постулат «ощущение обще человеку со скотом» [19, с. 231]. Тем не менее для представителей «геномной медицины» и для большинства исследователей в сфере эволюционной биологии и биоэтики природная предопределенность и патологии, и физических особенностей, и социально-поведенческих качеств человеческого индивида выступает как вопрос уже решенный: «био» доминирует над «социо», фенотип целиком определяется генотипом, а человек представляет собой не более чем совокупность генов (Р. Докинз).

Правда, следует заметить, что такой редукционизм встречает отпор и в среде самих биологов; например, крупнейший современный генетик-эволюционист Р. Левонтин утверждает иное: «Мы не наследуем наши фенотипы. Они развиваются на протяжении нашей жизни — отчасти как следствие наших генотипов, но только отчасти» [9, с. 31]. Создается впечатление, что гены у человека играют иную роль, чем у животных, хотя на молекулярном уровне действуют одинаково (об этом ниже).

Сторонники «социо» — *социоцентристы* — в своем противостоянии *биоцентристам* исходят из примата *внешних*, средовых начал, т.е. придерживаются позиции исключительно социокультурной детерминации человеческих качеств, согласно которой все телесное и вообще биологическое в человеке «выводится за скобки», т.е. выступает в качестве либо не подлежащих учету факторов опять-таки фонового порядка, либо неизменного по своим свойствам инертного биоматериала. В этом свете присущие человеку качества *натуры* выглядят как морфологические артефакты и витальные импульсы, постепенно вытесняемые из жизнедеятельности людей по ходу исторического развития *культуры*. Наиболее последовательно эту позицию выражает Э.В. Ильенков: «Все без исключения специфически человеческие функции мозга и обеспечивающие их структуры на сто процентов,

а не на девяносто процентов и даже не на девяносто девять процентов определяются, а стало быть, и объясняются исключительно способами активной деятельности человека как существа социального, а не естественно-природного» [8, с. 150]. Это тоже редукционизм, но не биологический (генетический), а социальный (средовой), от которого только один шаг до признания второй, противостоящей *натуре* субстанции либо сугубо духовного (Бог или Идея), либо материального (*культура*) порядка.

Иногда в научном дискурсе говорят про «взаимопереплетение биологических и социальных детерминант» [23, с. 342], когда «природное, с одной стороны, формирует новые формы общественной жизни, а с другой, само становится объектом преобразования и социального конструирования» [4, с. 188]. Но фиксируемая подобным образом дополнительность лишь скрывает в себе антиномию, неразрешимость которой в заданных рамках опять-таки указывает на необходимость какого-то иного, «недуализированного» обоснования объективно необходимого единства биологического и социального начал.

Подход к решению

Имеется одно обстоятельство, которое косвенно указывает на то направление, в котором поиск этого обоснования выглядит перспективным: при всей противоположности исходных установок, *биоцентристов* и *социоцентристов* объединяет логика рассуждений — и те, и другие следуют принципу «внешнего причинения», который сводится к постулированию односторонней и, как правило, одноходовой связи между причиной и результатом. Это логика механистического детерминизма, биологическая версия которого наиболее последовательно разработана в рефлексологии: «раздражитель → реакция». Для биоцентристов источник «причинения» находится внутри организма («генотип → фенотип», «геном → организм»), а для социоцентристов — вовне («среда → индивид», «культура → натура»). Но в любом случае организм живой особи (и животной, и человеческой) выступает в качестве пассивного предмета стороннего — или внутреннего (биологического, генетического), или внешнего (средового, социального) — воздействия.

Между тем в реальности живой природы дело обстоит иначе. Уже на сугубо биологическом, дочеловеческом уровне живые организмы не подчиняются принципу «внешнего причинения» — на давление среды они отвечают мобилизацией и своей органики (физиологии), и своей механики (поведения), что предельно

В.А. Рыбин
Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности

лаконично сформулировано С.Л. Рубинштейном: «Внешние причины действуют через внутренние условия» [15, с. 372].

И это потому, что эволюционной историей своего вида любой живой организм уже преадаптирован к среде, он обладает потенциалом для активного выживания в ее темпоральных и пространственных измерениях — то, что А.А. Ухтомский обозначил термином *хронотоп* (который М.М. Бахтин позднее перенес в литературоведение). В работе «Физиологическая лабильность и равновесие» Ухтомский разъясняет: «Не только отдельный организм, но организм в его взаимодействии с его средой, организм во взаимодействии с другими организмами — все это может и должно быть включено в понятие организованного уравновешенного или уравновешивающего “целого”» [18, с. 201].

Различие между человеком и животными состоит в том, что свой активный «ответ» на воздействие окружающей среды животные дают через *натуру*, а человек — через *культуру*. Более конкретно: животная особь отвечает инстинктивно опосредованной реакцией своих органов, животный вид — совокупностью адаптивных реакций на уровне популяции, а человек — посредством использования и совершенствования искусственных орудий труда. Человек относится к миру не только через организм и его ощущения, но через второй — искусственный, вещественный мир, представленный совокупностью орудий. Благодаря этому, оставаясь в природе, человек одновременно становится вне ее и над ней: «Возникновение на Земле культуры и свободной самодетерминации человека — вовсе не “надстройка” над “гранитным основанием” или не просто появление *еще одного* “слоя” вокруг “естественного ядра” (пусть даже с “обратным воздействием”, похожим на разъедание этого “ядра” новой оболочкой), а для образование *совсем другой, совершенно особой планеты*, каковая вследствие появления на ней человека *стала* особой *causa sui* по сравнению с “остальной природой”» [7, с. 102].

Биосоциальность человека: структурный аспект

Биосоциальность человека более сложна в структурном плане по сравнению с биосоциальностью животного. У животных она двойная, двусоставная: организм особи («био») и хронотоп ее средового окружения (по видимости это «социо», но на самом деле все же «био», хотя и более высокого уровня, нежели организменный). Биосоциальность же человека обладает тройным составом: помимо его организма, она включает в себя два средовых

компонента — естественный (биосфера) и искусственный (техносфера как совокупность искусственных орудий труда). Скорее всего, именно это имел ввиду Маркс, выдвигая в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» концепт природы как внешнего тела человека: «Практически универсальность человека проявляется именно в той универсальности, которая всю природу превращает в его неорганическое тело <...>. Природа есть неорганическое тело человека, а именно в той мере, в какой она не есть человеческое тело» [12, с. 92]. В оригинале Маркс использует прилагательное *unorganisch* [26, s. 240], которое до сих пор переводилось как *неорганическое*, но которое, исходя из контекста фразы и в соответствии с нормами немецкого языка, допустимо переводить как *неорганизованное* или *внеорганизованное* — «природа есть неорганизованное тело человека».

Таким образом, у человека не два, а как минимум три тела: одно внутреннее, организменное и два внешних, внеорганизованных: в схематическом варианте расположенное в центре биологическое тело человеческого индивида закольцовано концентрически расширяющимися окружностями, первая из которых представляет собой живую природу (биосферу), вторая — технику («промышленность» [12, с. 124]). В ходе исторической эволюции удельный вес каждого из этих трех тел в системе биосоциальности непрерывно изменяется, но общая ее структура остается неизменной.

Биосоциальность человека в контексте современности: динамический аспект

Специфика текущего исторического момента определяется переразвитием орудийного, технического компонента человеческой биосоциальности, что является следствием сохранения основных атрибутов того адаптивно-потребительского способа существования, который до самого последнего времени вел человеческий род, ориентируясь на ближайшие цели непосредственного физического выживания и не задумываясь о более отдаленных последствиях, т.е. в сущности пребывая в уверенности, будто природа неисчерпаема и существует исключительно в качестве потребляемого, лишённого самоценности внешнего ресурса. Глобальный экологический кризис, а затем и резко заявившие о себе биотехнологические угрозы продемонстрировали истощенность подобного миропонимания — «оказалось, что человек не может управлять природой извне, так как не стоит над ней, а является ее частью, включен в нее, и поэтому его воздействие на природные процессы имеет серьезные ограничения» [10, с. 107].

В.А. Рыбин
Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности

Дело в том, каким именно образом проявят себя эти ограничения, ибо сами по себе последствия дальнейшего движения в рамках природопокорительной и природопотребительной стратегии достаточно очевидны: для природы они означают перспективу ее полного «выедания» в самое ближайшее время, а для человека — опасность искусственной биотрансформации с целью адаптации к стремительно деградирующей внешней среде. Здесь возможны два варианта поведения — либо занять отстраненную позицию и предоставить ходу вещей развиваться самопроизвольно, в итоге пережив (если удастся) конечные эффекты подобной жизненной стратегии, так сказать, «на собственной шкуре», либо заранее выработать некие регулятивы дальнейшего развития, способные предупредить негативные последствия сложившейся стратегии с тем, чтобы постепенно перевести нынешнее разрушительное воздействие человека на природу в русло гармонично сбалансированных отношений с ней.

В свете таковой позитивной тенденции речь нужно вести уже не о существовании человека в природе, а о сосуществовании человека с природой, которая отныне должна быть определена не как ресурс, в конечном счета сырьевой (как это выглядит в концепциях «устойчивого развития», «золотого миллиарда» и пр.), и не как предмет суеверного поклонения, удостоверяющий ничтожество человека («благоговение перед жизнью», «смертные грехи человечества», Гея как живой сверхорганизм и т.д.), а как залог выживания всей человеческой популяции. Первое, «экологическое» условие подобного понимания — дело решенное: вряд ли кто-нибудь сегодня станет отрицать, что природу надлежит не столько потреблять, сколько сохранять и воспроизводить. Теперь требуется формализовать другое, «антропологическое» условие, которое стало бы «противовесом» не только техноцентризму, но и природоцентризму. Это означает, что в системе трехкомпонентной человеческой биосоциальности следует отыскать *такую антропологически ориентированную точку отсчета, которая сохраняла бы неизменность своего положения при всех имманентных развитию динамических сдвигах отношений биосферы и техносферы, подобно тому, как Полярная звезда остается неподвижной при вращении небесной сферы.*

Где ее искать? На первый взгляд, эти поиски следует вести в сфере человеческой деятельности, в параметрах техносферы, поскольку именно ее гипертрофия нуждается в неотложной регуляции. Но все не так просто: «Если мы попытаемся задаться вопросами о том, во имя каких целей мы собираемся изменять мир и улучшать человека, каков смысл нашей преобразующей деятельности — смысл, не предписываемый исторической необходимостью, а тот, который

мы должны искать сами, на свой страх и риск, — то нам неизбежно придется искать точку опоры в чем-либо находящемся вне самой этой деятельности» [23, с. 29]. Вести речь о ценностях в качестве подобного ориентира-регулятора означало бы так или иначе делать уступку трансцендентализму либо в кантовском, «индивидуализированном» варианте, либо в духе ценностно окрашенной метафизической онтологии, наглядно представленной, например, в учениях М. Шелера или Н. Гартмана. К тому же, как показывает опыт науки XX века, внутринаучные ценностные регулятивы далеко не всегда обладают достаточной действенной силой, чтобы предотвратить нежелательные последствия научных нововведений. Поэтому усилия по обретению искомой антропологической точки отсчета целесообразно перенести в сферу более широких оснований — на почву специфицирующей человека эволюции культуры, рассмотренной в соотношении с эволюцией природы.

Человеческая биосоциальность: истоки и следствия

Эволюция культуры, связанная с человеком, это принципиально новая форма эволюции, частично отрицающая, но при этом сохраняющая и совершенствующая прежнюю форму эволюции живой и неживой природы. О новизне свидетельствует уже сама диспропорция между грандиозностью изменений, произведенных на Земле современным видом *homo sapiens* за время его существования, и ничтожностью этого периода с общезволюционной точки зрения: человечеству понадобилось всего 40 тысяч лет, чтобы стать «новой геологической силой» (В.И. Вернадский). Однако самый важный показатель этой новизны состоит, похоже, в другом: если включенные в биосферу животные виды на усложнение среды отвечают морфологическим преобразованием организма особей, образующих каждый из этих видов, то *человеческий вид на аналогичную ситуацию отвечает совершенствованием вынесенных вовне его организма искусственных орудий труда, оставаясь при этом морфологически неизменным.*

На факт отсутствия какого-либо прогресса в строении антропологического типа современного человека уже неоднократно указывали как отечественные², так и зарубежные³ исследователи.

В.А. Рыбин
Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности

² «В среде современного человечества не обнаруживается никаких следов морфологического прогресса» / Рогинский Я.Я. Проблемы антропогенеза. М.: Высшая школа, 1977. С. 193.

³ «Знаменательно, что нынешний внешний облик человека на протяжении длительного времени остается практически неизменным» / Кууси П. Этот человеческий мир. М.: Прогресс, 1988. С. 57.

Во всяком случае, в сфере эволюционной антропологии сегодня постулируется, что «важнейшие морфологические особенности современного вида человека остаются практически стабильными от верхнего палеолита до современности» [3, с. 525], что все морфологические и даже генетические различия между людьми (типа расовых особенностей или вариаций генома) представляют собой «разнообразие на месте устойчивого фено- и генотипа» [2, с. 251], т.е. определяются в пределах единого и даже единственно возможного вида (по мнению Э. Майра, «появление новых видов и даже видовых форм в роде Номо уже не может происходить» [6, с. 200]).

Если так, то граница между «можно» и «нельзя» во всех манипуляциях по отношению к человеку должна определяться ориентацией на сохранение его морфологической неизменности, причем, вне зависимости от того, идет ли речь о физических или генетических параметрах человеческого организма.

Если так, то с большой долей вероятности следует предположить, что состав и структура генома у человека служит не видообразованию, а напротив, остановке этого процесса; следовательно, дабы «не навредить», как гласит одна из заповедей медицинской этики, следует исходить из установки, что связка «генотип — фенотип» ориентирована у человека на поддержание устойчивости, а не на стимуляцию эволюционной изменчивости, как у животных, и что поэтому вносить какие-либо изменения в человеческий геном нецелесообразно, опасно и недопустимо (за исключением коррекции некоторых, четко установленных поломок в генетическом аппарате, типа хореи Хантингтона или фенилкетонурии).

Если так, то с учетом того обстоятельства, что основные заболевания современности, прежде всего онкологические, сопровождаются не каким-то одним генетическим нарушением, а целым их комплексом (причем зависимость между клиническими проявлениями и сдвигами в геноме при этой патологии все еще остается крайне неясной), то говорить о каком-либо достоверном обосновании генной терапии в онкологии не приходится, по крайней мере на сегодняшний день, а все теоретически недостаточно обоснованные и слабо апробированные методики типа редактирования генов или использования стволовых клеток эмбрионов в клинической практике следует рассматривать как эксперимент или даже как авантюру.

И наконец, если в связке «био-социальность» биологическая составляющая в ее генетических и фенотипических проявлениях выступает как нечто, подлежащее стабилизации, то это отнюдь не означает консервации социальной составляющей — напротив, именно на постоянно и в ускоренном темпе трансформирующуюся

социокультурную среду должна быть возложена основная функция по сохранению *морфологической неизменности человека* в процессе исторической трансформации его трехкомпонентной биосоциальности. На новом этапе развития человечеству остается лишь найти правильное — отвечающее человеческому типу жизни — соотношение трех ее компонентов.

Таковы в общих чертах перспективы решения проблемы биосоциальности человека, столь остро заявившей о себе в первые десятилетия XXI века. Аргументы в пользу сформулированного ответа и составили содержание данной работы.

Литература

1. Агамбен Д. Средства без цели. М.: Гилея, 2013.
2. Алексеев В.П. Становление человечества // Алексеев В.П. Избранное: в 5 т. Т. 1. М.: Наука, 2007.
3. Алексеев В.П. Человек: эволюция и таксономия // Алексеев В.П. Избранное: в 5 т. Т. 2. М.: Наука, 2007.
4. Биосоциальность: генетика, биополитика и медицинская этика // Человек. 2019. № 1. С. 188–189.
5. Галл Я.М. Джулиан Сорелл Хаксли. 1887–1975. СПб.: Наука, 2004.
6. Георгиевский А.Б. Эволюционная антропология. СПб.: Нестор-история, 2009.
7. Зотов А.Ф., Смирнова Н.М. Метафизика свободы // Философские науки. 1993. № 2. С. 94–102.
8. Ильенков Э.В. Психика и мозг: Ответ Д.И. Дубровскому // Вопр. философии. 1968. № 11. С. 139–154.
9. Левонтин Р. Человеческая индивидуальность: наследственность и среда. М.: Прогресс, 1993.
10. Лекторский В.А., Труфанова Е.О. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке // Человек. 2019. № 1. С. 102–124.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974.
13. Новые направления. Этика синтетической биологии и новейших технологий: Доклад Комиссии по изучению биоэтических проблем при президенте США (Реферат) // Актуальные проблемы биоэтики: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН / отв. ред. Юдин Б.Г. М., 2016. С. 103–111.
14. Раман С., Таттон Р. Жизнь, наука и биовласть. (Реферат) // Актуальные проблемы биоэтики: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН / отв. ред. Юдин Б.Г. М., 2016. С. 118–123.
15. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
16. Рыбин В.А. Трансгуманизм как проблема экологического кризиса // Вестн. ЧелГУ. Философские науки. Вып. 46. 2017. № 13. С. 5–15.
17. Стрэнд Р., Кайзер М. Доклад об этических проблемах, порождаемых новыми науками и технологиями (Реферат) // Актуальные проблемы биоэтики: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН / отв. ред. Юдин Б.Г. М., 2016. С. 224–231.
18. Ухтомский А.А. Избранные труды. Л.: Наука, 1978.
19. Фейербах Л. Избранные философские произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955.

В.А. Рыбин
Биосоциальность человека: опыт переосмысления в контексте современности

20. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001.
21. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2008.
22. Эде Й. Ван Ден. Где же человек? О дебатах по поводу его улучшения (реферат) // Актуальные проблемы биоэтики: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН / отв. ред. Юдин Б.Г. М., 2016. С. 220–223.
23. Юдин Б.Г. На пути к трансчеловеку // Гуманитарные ориентиры научного познания: Сб. статей. К 70-летию Б.Г. Юдина. М.: Навигатор, 2014. С. 341–351.
24. Юдин Б.Г. Редактирование генома: социально-этические проблемы. (Реферативный обзор) // Актуальные проблемы биоэтики: Сб. обзоров и реф. РАН. ИНИОН / отв. ред. Юдин Б.Г. М., 2016. С. 181–192.
25. Юдин Б.Г. Точка зрения искусственного // Гуманитарные ориентиры научного познания: Сб. статей. К 70-летию Б.Г. Юдина / отв. ред. П.Д. Тищенко. М.: Навигатор, 2014. С. 15–19.
26. Marx K., Engels F. Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abteilung. Band 2. Berlin: Dietz Verlag, 1982.

Human Biosociality: the Experience of Rethinking in the Context of Modernity

Vladimir A. Rybin

DSc (Philosophy), Professor.

Chelyabinsk state University.

129 Kashirin brothers Str., Chelyabinsk 454001, Russian Federation.

E-mail: wlad@csu.ru

Abstract. The turn of the 20–21st centuries is associated with an unprecedented situation in life sciences. The achievements of theoretical and experimental biology along with the progress of biomedicine have created a real opportunity to influence not only an individual organism, but also heredity of the entire human population. The problem of the limits of intervention in human nature is becoming increasingly acute. In this situation, the existing concept of biosociality based on the principle of dual (i.e. biological and social) determination of the vital activity of living organisms, including humans, is turning ineffective. This concept needs to be redefined as unique, specifying only human beings and characterizing the combination of biological and social factors inherent in them only. The main obstacle to the development of such a concept is natural sciences reductionism in the form of mechanistic determinism. As a result, the main property of all living organisms, namely the ability to actively counteract the influence of the environment while remaining in a cooperative relationship with it, is not taken into account. In animals such activity is carried out by the organs of the body and innate reactions, while in men it is done through artificial tools and cultural experience, with culture embracing and subordinating nature. Therefore, human biosociality is threefold including a human body in its combination of evolutionarily formed biomorphological parameters, the sphere of tools and external

nature. Until very recently, this triune integrity was not adequately realized. However, the threats of technogenic origin that arise today encourage the development of a new worldview and a new world attitude. The former consumer attitude to nature should be replaced by conscious and productive manipulation of the three components of human biosociality against the background of purposeful maintenance of its morphological immutability.

Keywords: man, nature, culture, society, tool, Biomedicine, organism, environment.

For citation: Rybin V.A. Human Biosociality: The Experience of Rethinking in the Context of Modernity // *Chelovek*. 2020. Vol. 31, N 1. P. 45–60. DOI: 10.31857/S023620070008744-5

В.А. Рыбин
Биосоциаль-
ность челове-
ка: опыт пере-
осмысления
в контексте
современности

References

1. Agamben G. *Sredstva bes zeli* [Means without purpose]. Moscow: Gilea Publ., 2013.
2. Andreev V.P. *Stanovlenie chelovechestva* [Formation of mankind]. *Isbrannoe: v 5 t. T.1.* [Favorites: in 5 vol.] Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 2007.
3. Andreev V.P. *Chelovek. Evolutia i taxonomia* [Man. Evolution and taxonomy]. *Isbrannoe: v 5 t. T. 2.* [Favorites: in 5 vol.] Vol. 2. Moscow: Nauka Publ., 2007.
4. Biosocialnost: genetika, biopolitika i medicinskaja etika [Biosociality: genetics, biopolitics and medical ethics]. *Chelovek*. 2017. N 1. P. 188–189.
5. Gall J.M. *Julian Sorell Huxle. 1887 – 1975*. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004.
6. Georievsky A.B. *Evolutionnaja anropologia* [Evolutionary anthropology]. St. Petersburg.: Nestor-Istoria Publ., 2009.
7. Sotov A.F., Smirnova N.M. *Metavisika svobody* [Metaphysics of freedom]. *Filosofskie nauki*. 1993. N 2. P. 94–102.
8. Iljenkov E.V. *Psihika i mosg* [The mind and the brain]. *Voprosi filisofii*. 1968. N 11. P. 139–154.
9. Lewontin Richard. *Cheletcheskaja indiividualnost: nasledstvennost i sreda* [Human personality: heredity and environment]. Moscow: Progress Publ., 1993.
10. Lektorskij V.A., Trufanova E.O. *Konstruktivism v epistemologii i naukah o cheloveke* [Constructivism in epistemology and the human Sciences]. *Chelovek*. 2017. N 1. P. 102–124.
11. Marx K., Engels F. *Soshineniya* [Writings. Vol. 23]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1960.
12. Marx K., Engels F. *Soshineniya* [Writings. Vol. 42]. Moscow: Politizdat Publ., 1974.
13. Novie napravleniya. *Etika sinteticheskoy biologii i noveishih tehnologij: Doklad Komissii po isuchenij bioeticheskikh problem pri presidente USA. (Referat)* [New directions. The ethics of synthetic biology and emerging technologies: Presidential comission for the study of bioethical issues. (Ref.)]. *Aktualnie problemi bioetiki. Sbornik obzorov i referatov. Otv. red. Yudin B.G.* [Actual problems of bioethics. Collection of reviews and abstracts. Ex. ed. B.G.Yudin]. Moscow: RAN. INION, 2016. P. 103–111.
14. Raman S., Tutton R. *Shisn, nauka i biovlst.* (Referat) [Life, science and biopower. (Ref.)]. *Aktualnie problemi bioetiki. Sbornik obzorov i referatov. Otv. red. Yudin B.G.* [Actual problems of bioethics. Collection of reviews and abstracts. Ex. ed. B.G.Yudin]. Moscow: RAN. INION, 2016. P. 103–111.
15. Rubinshtein S.L. *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003.

16. Rybin V.A. Transhumanism kak problema ekologicheskogo krisisa [Transhumanism as a problem of ecological crisis]. *Vestnik Chekzbinskogo universiteta. Filosofskie nauki*. Vipusk 46. 2017. N 1. P. 5–15.

17. Strand R., Kaiser M. Doklad ob eticheskikh problemah, poroshdaemih razvitiem nauki. (Referat) [Report on ethical issues raised by emerging sciences and technologies. (Ref.)]. *Aktualnie problemi bioetiki. Sbornik obzorov i referatov. Otvet. red. Yudin B.G.* [Actual problems of bioethics. Collection of reviews and abstracts. Ex. ed. B.G.Yudin]. Moscow: RAN. INION, 2016. P. 224–231.

18. Uhtomskij A.A. *Izbranie trudi* [Selected works]. Leningrad: Nauka Publ., 1978.

19. Feuerbach L. *Izbranie filosofskie proisvedenja: v 2 t.* [Selected philosophical works: in 2 vol.]. Vol. 1. Gospolitizdat Publ., 1955.

20. *Filosofskij slovar*. Pod red. I.T. Frolova. 7 izdanje [Philosophical dictionary. Under the editorship of I.T. Frolov. 7 ed.]. Moscow: Respublika Publ., 2001.

21. Fukuyama Francis. *Nashe postchelovecheskoe budushee: Posledstvia biotekhnologicheskoi revolutii* [Our posthuman Future: Consequences of the Biotechnology revolution]. Moscow: AST Publ., 2008.

22. Van Den Ede Y. Gde she chelovek? O debatah po povodu ego uluchenja. (Referat) [Where is the Human? Beyond the enhancement debate. (Ref.)]. *Aktualnie problemi bioetiki. Sbornik obzorov i referatov. Otvet. red. Yudin B.G.* [Actual problems of bioethics. Collection of reviews and abstracts. Ex. ed. B.G.Yudin]. Moscow: RAN. INION, 2016. P. 220–223.

23. Yudin B.G. Na puti k transcheloveku [On the way to the transhuman]. *Gumanitarnie orientiri nauchnogo posnsnija: sbornik statei. Otvet. red. P.D. Tishenko* [Humanitarian reference points of scientific knowledge: collection of articles. Ex. ed. P.D. Tishenko]. Moscow: Publishing house “Navigator”, 2014. P. 341–351.

24. Yudin B.G. Redaktirovanie genoma: socialno-eticheskie problemi. (Referativnij obzor) [Editing the genome: social and ethical issues. (Abstract review)]. *Aktualnie problemi bioetiki. Sbornik obzorov i referatov. Otvet. red. Yudin B.G.* [Actual problems of bioethics. Collection of reviews and abstracts. Ex. ed. B.G.Yudin]. Moscow: RAN. INION, 2016. P. 181–192.

25. Yudin B.G. Tochka zrenia iskusstvennogo [The point of view of the artificiality]. *Gumanitarnie orientiri nauchnogo posnsnija: sbornik statei. Otvet. red. P.D. Tishenko* [Humanitarian reference points of scientific knowledge: collection of articles. Ex. ed. P.D. Tishenko]. Moscow: Publishing house “Navigator”, 2014. P. 15–29.

26. Marx Karl, Engels Friedrich. Gesamtausgabe (MEGA). Erste Abteilung. Band 2. Berlin: Dietz Verlag, 1982.